

АНАСТАСИЯ
РЕШЕТНЯК

ОПАСНЫЕ СЕТИ: КАК БОРОТЬСЯ С ОНЛАЙН- РАДИКАЛИЗАЦИЕЙ В КАЗАХСТАНЕ

Программа для молодых исследователей
в области публичной политики
Фонда Сорос-Казахстан

Алматы
2018

Точка зрения автора, отраженная в данном исследовании, может не совпадать с точкой зрения Фонда Сорос-Казахстан.

Ответственность за факты, сведения, суждения и выводы, содержащиеся в публикации, несет автор.

Программа для молодых исследователей в области публичной политики реализуется Фондом Сорос-Казахстан (ФСК) в рамках инициативы «Публичная политика». Целью данной инициативы ФСК является развитие сферы публичной политики в Казахстане через повышение потенциала молодых исследователей, а также стимулирование общественного диалога.

В рамках программы ее участники проходят серию тренингов по политико-управленческому анализу (*policy analysis*), написанию аналитических текстов (*policy writing*), визуализации данных и разработке адвокационных инструментов с тем, чтобы использовать полученные знания в разработке аналитических документов по актуальным для Казахстана вопросам публичной политики в рамках приоритетных направлений деятельности ФСК.

Для дополнительной информации, пожалуйста, обращайтесь: [**ppi@soros.kz**](mailto:ppi@soros.kz).

СОДЕРЖАНИЕ

Список обозначений и сокращений	4
Введение	5
Контекст проблемы политики	5
Методология и ограничения исследования	6
Глава 1. Контекст проблемы	7
1.1. Онлайн-радикализация в мире и в Казахстане	7
1.2. Основные стейк-холдеры и их вовлеченность в процесс ПОР	10
1.3. Нормативно-правовые рамки противодействия онлайн-радикализации (ПОР)	11
Глава 2. Проблемы политики	14
2.1. Системные ограничения политики	14
2.2. Содержательные ограничения	16
2.3. Нарративы государственной идеологии и восприятие целевой аудиторией	22
Глава 3. Варианты политики	25
Вариант политики 1: Сохранение статуса-кво (политики, сложившейся к 2017 году)	25
Вариант политики 2: Ужесточение политики	25
Вариант политики 3: «Позитивный сдвиг»	26
Выводы	28
Рекомендации	30
Список литературы	32

СПИСОК ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

АДР – Агентство по делам религий Министерства культуры и спорта РК
(с ноября 2016 – Министерства по делам религий и гражданского общества РК)

ДУМК – Духовное управление мусульман Казахстана

ИГ, ИГИЛ, ДАИШ – террористическая группировка «Исламское государство»

КИСИ – Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК

МВД – Министерство внутренних дел РК

ПОР – противодействие онлайн-радикализации

УДР – Управление по делам религий (на уровне областных центров и гг. Астана и Алматы)

FB – социальная сеть «Facebook», fb.com

VK – социальная сеть «Вконтакте», vk.com

ВВЕДЕНИЕ

КОНТЕКСТ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ

В последнее время распространение экстремистской идеологии все чаще происходит с использованием интернет-технологий, растет количество интернет-ресурсов, пропагандирующих джихадистскую идеологию (Akil N Awan, 2007). Речь идет о различных интернет-форумах, веб-сайтах, страницах в социальных сетях, через которые не только распространяется радикальная идеология, но и происходит вовлечение новых сторонников экстремистских движений. В западной литературе эта проблема известна под названием «онлайн-радикализация» и изучается достаточно давно (Stevens & Neumann, 2009).

Как известно, одна из ключевых предпосылок радикализации — изоляция, оторванность в силу разных причин от привычного общества или образа жизни. Однако в современном мире человек не остается в одиночестве в той степени, как это было возможно до появления интернета — сейчас у него всегда есть возможность найти единомышленников, понимание и сочувствие в Сети. И часто оказывается, что такого рода «жилеткой» становятся люди со своими целями и мотивами, которые могут оказаться совсем не безобидными. Так, наиболее «продвинутой» на сегодняшний день в плане вербовки организация ДАИШ (ИГИЛ) использует для привлечения новых последователей именно интернет, социальные сети и мессенджеры, позволяющие адресно работать с каждым потенциальным членом организации. К примеру, в Малайзии, по подсчетам МВД, как минимум 75% новых рекрутов ИГ были привлечены онлайн (Varandani, 2015). В Казахстане эта цифра еще выше: 8 из 10 приверженцев радикальной идеологии попали в соответствующие группы из интернета (Генпрокуратура Казахстана отмечает активизацию террористов внутри страны, 2017).

Итак, Казахстан не стоит в стороне от мировых «трендов». Медиакоманды ДАИШ работают и на вербовку наших граждан, распространяя видеоролики с призывами вступить в террористическую организацию на казахском языке, что позволяет говорить об адресной работе, направленной именно на его носителей. На видео люди в защитной форме и с оружием в руках напоказ сжигают казахстанские паспорта, призывая соотечественников присоединиться к джихаду — в их интерпретации, священной войне с неверными за создание исламского халифата. И такая идеологическая работа, к сожалению, приносит свои плоды.

Сообщается, в частности, что теракт в Актобе в июне 2016 года, хотя и не был организован или спонсирован внешней террористической структурой, но принимавшие участие в противоправных действиях молодые люди принадлежали к «спящей ячейке» — группе, созданной на основе общности радикальных взглядов и сочувствия террористическим методам. Мотивировали участников группы на совершение такого преступления сообщения, полученные из Сирии, — то есть, даже не имея прямого контакта с террористами, руководствуясь лишь онлайн-поддержкой, группа людей пришла к необходимости радикальных действий, идеологически объясняемых как «обязанность настоящего мусульманина» (Кочетков, 2016). По информации одного из ведущих экспертов РК по безопасности Е. Карина, в период за 2 недели перед актюбинскими событиями наблюдался всплеск распространения в соцсетях аудиосообщений с призывом к осуществлению терактов (Karin, 2016).

Очевидно, что проблема онлайн-рекрутинга достаточно серьезна и требует реакции со стороны властей. Вопрос заключается лишь в том, какие именно формы примет эта реакция. В литературе политика противодействия онлайн-экстремизму сводится к сочетанию «негативных» и «позитивных» мер, где под негативными мерами понимается ограничение доступа к материалам экстремистского содержания, а позитивные предполагают решение более сложной задачи — противопоставление экстремистским политическим посылам каких-либо других, которые были бы достаточно привлекательными, чтобы оградить значительную часть потенциальных рекрутов от угрозы радикализации.

В Казахстане онлайн-контрпропаганда экстремизма находится в зачаточном состоянии. Направив основные – как финансовые, так и человеческие – ресурсы по работе в интернете на воплощение запретительных мер, власти оставляют на втором плане выработку и активное продвижение разного рода нарративов, способных противостоять радикальной идеологии.

Политика, предусматривающая преобладание позитивных механизмов противодействия экстремизму, представляется более эффективной, поскольку имеет долгосрочный характер, направлена на формирование реального иммунитета к экстремистским призывам: на смену заблокированным ресурсам и привлеченным к уголовной ответственности рекрутерам приходят новые, а привитые убеждения гораздо труднее рассеять.

Цель данной работы – определить, каким образом и с использованием каких механизмов система контрэкстремизма в социальных сетях способна наиболее эффективно функционировать в условиях Казахстана.

Ключевые исследовательские вопросы, рассмотренные в работе, – это:

- Каковы основные параметры системы противодействия онлайн-радикализации в Казахстане и насколько она эффективна?
- В чем основные проблемы текущей политики в области предупреждения и противодействия экстремистской идеологии в сети интернет?
- Как повысить эффективность политики противодействия онлайн-радикализации в РК, через какие показатели можно отследить результаты этой политики?
- Какие позитивные механизмы нужно использовать для оптимизации контрпропагандистской работы госорганов, в том числе включающих взаимодействие с официальным духовенством и неправительственным сектором?

МЕТОДОЛОГИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу исследования составили как первичные, так и вторичные данные. Первичные источники информации включают материалы фокус-групповых дискуссий, проведенных в Мангистауской и Карагандинской областях среди молодежи. В контексте неоднородности казахстанских регионов было принято решение остановиться на двух наиболее представительных кейсах. Первый – Мангистауская область с центром в Актау с преобладанием казахоязычного населения, второй – Карагандинская область, самая большая по территории в РК, преимущественно русскоязычная, с высоким процентом неказахского населения. Кроме того, были использованы данные полуструктурированных интервью с экспертами и госслужащими из вышеуказанных регионов, Астаны и Алматы.

Фокус-групповая дискуссия на казахском языке в Актау проводилась в августе 2016 года. В обсуждении участвовали 12 представителей молодежи в возрасте до 29 лет. Фокус-групповая дискуссия на русском языке была проведена в декабре 2016 года. Участниками стали 10 молодых людей. Обсуждение в каждой из фокус-групп длилось по полтора часа, велась аудио- и видеозапись. Также была проведена расшифровка звукозаписей всех бесед, которая и была использована для качественного анализа данных.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения. В первой главе описан контекст современной политики ПОР в Казахстане, во второй раскрыты особенности проведения этой работы и проанализирована «обратная связь». В третьей главе представлены потенциальные варианты развития политики. Заключительная часть содержит выводы и рекомендации, разработанные по итогам исследования.

ГЛАВА 1.

КОНТЕКСТ ПРОБЛЕМЫ

1.1. ОНЛАЙН-РАДИКАЛИЗАЦИЯ В МИРЕ И В КАЗАХСТАНЕ

По определению Британского правительства, радикализация — это «процесс, в результате которого человек приходит к поддержке терроризма и форм экстремизма, ведущим к терроризму» (UK Home Office, 2011). Что касается онлайн-радикализации, Министерство юстиции США дает этому явлению следующую дефиницию: «Онлайн-радикализация к насилию — это процесс, в ходе которого человек вовлекается в систему идеологических посылов и верований, отличающуюся от общепринятой системы верований экстремистскими воззрениями, преимущественно через использование онлайн-медиа, включая социальные сети, такие как Facebook, Twitter и YouTube» (U.S. Department of Justice, 2013).

Если в условиях Европы и США под это понятие подходят такие социальные явления, как политический экстремизм, ксенофобия и межэтнические/межрасовые конфликты, то особенностью Казахстана является тот факт, что в официальном дискурсе, в СМИ и даже в экспертной среде такие понятия, как радикализация, экстремизм, однозначно имеют религиозный подтекст и связываются с радикальными формами ислама.

Религиозно мотивированный экстремизм в Казахстане — это явление относительно новое, появившееся на рубеже XXI века. До этого времени обвинения в террористической деятельности на территории РК выдвигались преимущественно против иностранцев. После 2003 г. исследователи наблюдают становление так называемого «homegrown terrorism» — появление экстремистов и террористов внутри Казахстана, из числа граждан нашей страны (Шибуттов & Абрамов, 2012). Выделяют и третий этап (с 2011 года), когда происходит радикализация «спящих» внутриказахстанских экстремистских ячеек.

Кто находится в группе риска? Наибольшей угрозе радикализации через интернет-ресурсы подвергается молодежь, которая составляет основную аудиторию социальных сетей и других интернет-ресурсов в Казахстане (Черных, 2014). По оценкам экспертов, из-за кризиса идентичности и социально-экономических проблем молодежи трудно противостоять идеологической обработке со стороны вербовщиков (Шибуттов & Абрамов, 2012). По разным данным, от 300 до 1000 граждан РК, включая женщин и детей, сейчас находятся в зоне конфликта в Сирии и Ираке (Сандыбаев, 2015).

Судя по опубликованным видео, большинство из них представлены молодыми людьми до 29 лет. Эти данные подтверждает и Генеральная Прокуратура РК: в 2012 году около 60% осужденных за терроризм в Казахстане не достигли этого возраста. Центр программ безопасности, составивший в 2014 году «социальный портрет террориста», дополняет его такими характеристиками: безработный молодой человек со средним образованием. Без специального религиозного образования. Женат, имеет нескольких детей» (Составлен социальный портрет террориста в Казахстане, 2014).

Вызывает беспокойство рост числа осужденных не за террористические действия, а за пропаганду терроризма и религиозного экстремизма по сравнению с другими «родственными» статьями (см. Диаграмму 1). Так, только за 9 месяцев 2016 года в производстве находится 136 уголовных дел по статье 256 УК РК «Пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма».

Диаграмма 1.
Динамика преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом в Казахстане (2008-2015).

Примечательно, что согласно Уголовному Кодексу РК, за преступления «с использованием средств массовой информации или информационно-коммуникационных сетей» уголовная ответственность жестче, чем в случаях, когда вербовка наемников, призыв к захвату власти, возбуждение розни происходит офлайн (См. напр., Статьи 172 и 174 (п. 2) Уголовного кодекса РК от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по сост. на 09.04.2016 г.)). Это касается статей УК о пропаганде терроризма и экстремизма, призыве к насильственным действиям и вербовке¹.

Дискуссия вокруг построения стратегии борьбы с онлайн-радикализацией идет сегодня как на уровне государств и их административных единиц, так и в глобальном масштабе. Масштабные конференции и семинары, запущенные под эгидой ЮНЕСКО и ЮНАОЦ (Альянс Цивилизаций ООН), пройдут до конца 2016 года. Разработка антиэкстремистской стратегии объявлена в Великобритании (Voffey, 2015). Совет по международным делам США уделяет проблеме поиска альтернативных нарративов огромное значение в повестке дня (Council of Foreign Relations, 2013). В европейских государствах, в силу специфики межэтнической ситуации и напряженности, связанной с интеграцией мигрантов, такими нарративами стали мультикультурализм и всеобщая толерантность (Organization for Security and Co-operation in Europe, 2014).

С другой стороны, принятый в Китае в декабре 2015 г. Закон о борьбе с терроризмом и экстремизмом предусматривает мониторинг и блокировку материалов деструктивного содержания на уровне провайдеров (которые несут за невыполнение этой нормы административную и уголовную ответственность), предоставление доступа к Интернету только по ID. В РФ в июле 2016 года были приняты изменения и дополнения в федеральное законодательство, получившие название «пакет Яровой» (по имени автора) и предусматривающие в антитеррористических целях хранение данных и переписки пользователей в течение полугода, доступ спецслужб к записям звонков и SMS.

1. Планируется получить комментарий юриста по этой норме

При этом слабо учитывается, что современные экстремистские организации используют передовые коммуникационные и PR-технологии в продвижении своих идей через интернет — запретительными методами трудно с ними бороться. Например, исследователи отмечают, что ИГИЛ очень грамотно работает с аудиторией в социальных медиа и умело пользуется инструментами SMM (Вайс & Хасан, 2016). В связи с этим важной задачей является усовершенствование механизмов и инструментов, используемых казахстанскими органами власти в противодействии онлайн-радикализации граждан.

Между тем во многих европейских странах основная часть деятельности по вербовке в радикальные организации идет именно в социальных сетях и интернете. Этому есть несколько причин: более широкая аудитория, сравнительно низкий уровень контроля со стороны спецслужб и сложность правовых процедур получения информации о нарушителях (Казанцев, 2016). Запретительная политика в интернет-пространстве в странах Запада на сегодняшний день считается уже не отвечающей вызовам: действия властей загоняют экстремистов в подполье, становится сложно отслеживать расширяющиеся сети контактов, проводить мониторинг граждан, интересующихся контентом радикально-экстремистского характера (Neumann, 2012). Во многих развитых странах контрпропаганда экстремизма и терроризма, реабилитация практически полностью лежат на плечах НПО. Самые известные примеры — Международный институт по противодействию терроризму (Израиль), Active Change Foundation (Англия), «Сестры против насильственного экстремизма» (SAVE, Австрия).

1.2. ОСНОВНЫЕ СТЕЙК-ХОЛДЕРЫ И ИХ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В ПРОЦЕСС ПОР

Проблема онлайн-радикализации из-за своего комплексного характера в той или степени охватывает широкие социальные слои. По этой причине существует несколько заинтересованных в противодействии этому явлению сторон. В преимущественно мусульманском по составу населения Казахстане можно выделить следующие группы (см. Таблицу 1):

	Мотивация/интересы	Риски и угрозы	Ресурсы и возможности
Верующие	Согласно социологическим исследованиям, подавляющее большинство опрошенных в РК считают себя верующими, основная часть казахстанцев при этом исповедует ислам.	Те представители этой группы, которые предпочитают носить религиозную атрибутику и специфическую одежду, могут оказаться заложниками негативного образа религии, формируемого некачественной контрпропагандой или неграмотными сообщениями в СМИ (Маликова, 2016).	Изменение дискурса в рамках гражданского общества: проведение акций, другие способы формирования позитивного образа верующих (мусульман).
Мусульманское духовенство (ДУМК)	Это наиболее активный негосударственный стейк-холдер. С одной стороны, религиозные деятели заинтересованы в создании положительного образа религии и верующих в обществе, с другой – в расширении паствы и укреплении своего положения (особенно после выхода Закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» 2011 года, в котором устанавливается минимальное количество прихожан для регистрации).	Негативное отношение к религии и верующим ослабит позиции всех религиозных организаций страны. Нарушение «легитимности» ислама ханафитского мазхаба приведет к формированию в официальном поле более плюралистических вариантов ислама, что пошатнет положение «официальной» верхушки конфессии.	<ul style="list-style-type: none"> Наличие собственных средств; Значительное количество сторонников, готовых заниматься «богоугодными делами»; Одобрение со стороны общества, в целом положительно настроенного по отношению к религиозным деятелям.
Неправительственный сектор	Большинство из них придерживаются идеологии равноправия, ненасилия и развития гражданского общества – всего, что попирается экстремистами, готовыми на все ради достижения политических целей. Наличие государственного социального заказа на производство соответствующего контента, помощь в работе с представителями групп риска и дерадикализации пострадавших от деструктивных течений, осужденных.	Поскольку НПО ставят своей целью улучшение ситуации в стране, угрозами для них становятся расширение дискриминации, нарушение прав человека и отсутствие возможностей развития гражданского общества. НПО не заинтересованы в ужесточении политики, поскольку очевидно, что поле их деятельности при этом значительно сузится.	<ul style="list-style-type: none"> Возможно негосударственное финансирование; Привлечение человеческих ресурсов (волонтеры, активисты); Использование «новых» инструментов; Опыт в фандрайзинге и формировании «сообществ» из заинтересованных лиц. Преимущество НПО перед госорганами и религиозными объединениями состоит в возможности максимально дифференцировать подходы к противодействию радикализации либо сосредоточиться на узкой группе адресатов, более гибко подстраиваться под интересы общества.

Государственные структуры	Основная цель состоит в обеспечении национальной безопасности, снижении социальной напряженности и повышении имиджа государства, уровня общественного доверия к власти.	Наибольшую обеспокоенность вызывает рост преступности, антигосударственных настроений.	Обладают наибольшим весом и набором ресурсов и механизмов.
---------------------------	---	--	--

Таблица 1. Ключевые стейк-холдеры в процессе ПОР

1.3. НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ РАМКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОНЛАЙН-РАДИКАЛИЗАЦИИ (ПОР)

Противодействие терроризму и религиозному экстремизму в Казахстане имеет глубокие правовые основы. С принятием в 1998 году Закона РК «О национальной безопасности» и в 1999 году – Закона РК «О борьбе с терроризмом» предупреждение насильственных действий в этой области получило продолжение в виде: (2005) Закон РК «О противодействии экстремизму», (2009) Закон РК «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем и финансированию терроризма», (2011) Закон РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях».

Уголовному и административному преследованию подвергаются распространители экстремистских идей в Интернете – даже репост какой-либо записи в социальной сети может заинтересовать правоохранительные органы. В результате этой деятельности (предусмотренной законодательством РК) возникает дилемма соотношения национальной безопасности, борьбы с терроризмом и экстремизмом с одной стороны и конституционными правами гражданина на свободу слова и свободу совести – с другой.

Информационное противодействие радикализации – сравнительно новое направление в рамках существующей политики, его разработка и законодательное оформление приходится на 2012-2013 гг. Стимулом к проведению масштабных работ в данном направлении стала террористическая активность в нескольких регионах Казахстана в 2011-2012 гг.

Об актуальности данной проблемы для власти говорит дополнение в 2013 г. Закона о противодействии терроризму статьей 10-1 «Информационно-пропагандистское противодействие терроризму», согласно которой компетентные госорганы обязуются организовать такую деятельность в целях:

- «разъяснения опасности терроризма;
- разоблачения форм, методов и приемов, с помощью которых террористы осуществляют пропаганду своих взглядов и идей;
- формирования в обществе антитеррористического сознания;
- объединения усилий государственных органов, осуществляющих противодействие терроризму, и институтов гражданского общества в профилактике терроризма;
- сокращения социальной базы поддержки терроризма» (Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 416-І О противодействии терроризму (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.11.2015 г.)).

Кроме того, в Законе прописано, что к антиэкстремистской информационной деятельности госструктуры обязаны привлекать СМИ, юридические лица, гражданское общество и религиозных деятелей.

В этот же период (2013-2014 гг.) начинается достаточно активная кампания по воплощению новой редакции Закона – формируется государственная политика контрмер в этом направлении, выразившаяся в основополагающем документе – Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013-2017 гг.

Главная цель, декларируемая здесь, – это «развитие толерантности и иммунитета к радикальной идеологии». К окончанию программы предусматривается решение трех задач, первая и ключевая из которых – профилактика радикализации через формирование толерантного религиозного сознания, а еще две направлены на подготовку специалистов силовых ведомств и ликвидацию террористических актов и экстремистских действий и их последствий.

Интересующая нас задача состоит из 47 пунктов, из которых 17 засекречены, а 20 требуют вложения средств. Общий бюджет Программы составляет 103,176 миллиарда тенге (Об утверждении Плана мероприятий по реализации Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013–2017 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 октября 2013 года № 1141, 2013). Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что основная часть средств, выделяемых на реализацию Плана мероприятий по данной программе, включает в себя в первую очередь организацию досуга и спорта для молодежи – на эти цели за пятилетний срок выполнения программы планируется потратить в общей сложности 32 миллиарда тенге – это треть всех выделенных средств.

Примером применения позитивных инструментов является лишь информационная деятельность Комитета по делам религий МКС РК.

В основе информационно-пропагандистской работы, проводимой госорганами в РК (в том числе и в интернете), лежат следующие так называемые «идеологические признаки», призванные сформировать контрнарративы радикализму:

- Светское общество и высокая духовность – наши главные ценности. Духовные и религиозные ценности должны способствовать процветанию страны, созданию благоприятных условий для развития всех сфер.
- Единство и согласие – основа развития Казахстана.
- Патриотизм, национальные традиции и культура – духовный фундамент нации.
- Борьба с радикализмом и экстремизмом – задача всего общества (Сост. Ж.Ж. Карашулаков, Сборник материалов по основным вопросам религиозной сферы: В помощь государственным служащим, 2014).

Целевой аудиторией проводимой работы являются молодежь, верующие, госслужащие и «широкие слои населения, в том числе рабочее и сельское население» – то есть, по сути, весь народ Казахстана. Конечная же цель кампании состоит в повышении правовой культуры, распространении толерантности и общественного единства; профилактике межконфессиональных и межэтнических конфликтов, распространении псевдорелигиозных течений, экстремистской идеологии; а также в реабилитации пострадавших от деструктивных течений и работе с приверженцами радикальных религиозных идеологий.

Очевидно, что власть осознает существующую проблему: 14 сентября 2016 года было объявлено о создании на основе Комитета по делам религий более влиятельной и масштабной в рамках Правительства единицы – Министерства по делам религий и гражданского общества. Еще не ясны взгляды и стратегическое видение руководства этого нового госоргана, однако тот факт, что переменам быть, налицо.

Подтверждает этот тезис и опубликованное 31 января 2017 года Послание Президента народу Казахстана. В нем артикулируется (в порядке упоминания) необходимость:

- борьбы с финансированием деструктивных сил и связями с зарубежными террористическими организациями;
- проведения работы по предупреждению пропаганды религиозного экстремизма, в том числе в Интернете и социальных сетях;
- формирования в обществе нулевой терпимости к любым действиям, связанным с радикальными проявлениями, особенно в сфере религиозных отношений;
- проведения целенаправленной работы теологических реабилитационных служб с осужденными лицами;
- принятия дополнительных шагов по духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения;
- подключения к этой деятельности неправительственного сектора и религиозных объединений.

После пакета негативных мер, внедренных в законодательство страны в конце 2016 – начале 2017 года, инструменты, которые добавляются к противодействию радикализации сейчас (точнее, не добавляются, а дополнительно акцентируются), можно скорее отнести к позитивным. Неясно, однако, каким образом будут внедряться эти меры в существующую политику, которая предполагает достаточно жесткий и формализованный подход во всем, что касается национальной безопасности.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ

2.1. СИСТЕМНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ

Непосредственно борьба с вербовкой террористов ведется в Казахстане в основном с использованием негативных (силовых) механизмов: уголовное и административное преследование рекрутеров, контрольно-запретительные меры. Работа уполномоченных органов в соцсетях сводится к взаимодействию с администрацией наиболее популярных в Казахстане социальных сетей по предоставлению данных о пользователях, распространяющих пропагандистскую информацию, и удалению экстремистского контента.

Кроме того, ежедневно на республиканском и областном уровнях ведется мониторинг интернет-ресурсов. Аналитики силовых ведомств (данных о работе которых в данном направлении нет в открытом доступе), Агентства по делам религий Министерства культуры и спорта РК и областных УДР просматривают тысячи сайтов в поисках информации радикального толка, которая впоследствии будет заблокирована для доступа из Казахстана. Только за 2013-14 гг. Генеральная прокуратура сообщает о блокировке 573 Интернет-ресурсов по итогам мониторинга более 71 тысячи сайтов.

Информационно-пропагандистские (или информационно-разъяснительные, ИРГ) группы – это, по сути, главный «позитивный» инструмент государственной политики по противодействию радикализации. Это группа специалистов из разных профессиональных областей – религиозные деятели, чиновники, психологи и религиоведы, представители НПО и аксакалы, в компетенцию которых входит проведение разного рода массовых мероприятий по популяризации ислама ханафитского мазхаба, типичного для Казахстана, и предупреждению увеличения числа адептов «нетрадиционных религиозных течений». На сегодняшний день работает более 700 информационно-пропагандистских групп, в составе которых духовенство, теологи, педагоги, психологи и т.д. Однако в открытом доступе нет отчетов об их деятельности – вся имеющаяся на официальных сайтах информация сводится к освещению отдельных встреч и лекций. На каналах УДР на Youtube и Kaztube встречаются разрозненные видеоролики, дающие представление о проводимой работе, однако весь потенциал ИПГ в сети однозначно не раскрыт.

Освещение в СМИ разъяснительной деятельности (512 млн тенге в год) выражается в лаконичных статьях о встречах с населением, подкрепленных несколькими фото, либо роликами на телевидении, качество которых порой достаточно низкое как в техническом плане, так и в отношении содержания.

Управление по делам религий функционирует при областных акиматах и акиматах гг. Астана и Алматы. Именно на этом уровне ведется значительная часть работы, предусмотренная стратегией борьбы с радикализацией в Казахстане. В зависимости от региона штат УДР составляет от 14 до 18 человек. Одно из основных направлений деятельности этого подразделения – организация работы информационно-пропагандистских групп и адресная работа с населением.

По признанию главы одного из областных УДР, охват аудитории информационно-пропагандистскими группами – не самый объективный показатель, поскольку беседы, круглые столы и презентации могут проводиться в одних и тех же организациях, зачастую – с одними и теми же людьми. При этом единственная возможность работы с маргинализованной, неработающей молодежью у ИПГ существует во время проведения ярмарки вакансий – тогда, когда часть из этой (основной) целевой группы приходит с надеждой на трудоустройство (а вовсе не затем, чтобы получить информацию об опасности экстремизма и терроризма).

Именно ввиду труднодоступности наиболее уязвимых к радикализации казахстанцев приобретает все большее значение деятельность УДР в Интернете, и особенно в социальных сетях, где представлена львиная доля молодежи — стоимость смартфона и выхода в Интернет падает с каждым годом, что позволяет даже представителям малоимущих семей социализироваться в Сети, если этого не удалось сделать другими способами. Это открывает окно возможностей и для властей, которые потенциально способны инициировать диалог с молодыми людьми из группы риска; и такой процесс уже запущен.

Контрэкстремизм в интернете, согласно Программе, — это сфера достаточно узкая, которая, помимо мониторинга ресурсов на предмет нахождения правонарушений и блокировки запрещенного контента, включает в себя лишь деятельность Комитета по делам религий и его филиальной сети в регионах.

На расходы по проведению разъяснительной работы в Интернете бюджетом Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013–2017 гг. предусмотрено 10,25 млн тенге ежегодно.

Механизм работы в социальных сетях не регламентируется в официальных документах, поэтому в разных регионах к этому вопросу относятся по-своему. Наиболее чувствительной является проблема кадров и финансирования. Так, если в Атырауской области над информационной составляющей в СМИ и Интернета работает отдел из трех человек, в компетенцию которых входит также подготовка статей, разработка визуальных материалов (билборды, флаеры, брошюры), написание сценариев для видеороликов, то в Мангистауской области этим занимается один специалист (филолог по образованию, с опытом работы журналистом). В Актюбинской области ведение пабликов в соцсетях передано штатному религиоведу, основная деятельность которого связана с информационно-пропагандистскими группами, а работа в Интернете является дополнительной, не оплачиваемой нагрузкой. Карагандинский УДР для решения исследуемых задач использует специалистов отдела мониторинга (один из них по образованию историк, другой — теолог), которые, помимо выявления экстремистов в сети, занимаются также сайтом и социальными сетями.

Очевидно, что там, где онлайн-активность мотивирована финансово либо является основной деятельностью специалиста Управления, такая работа будет вестись на более высоком уровне. Начальник отдела мониторинга УДР Карагандинской области Меруерт Токушева по этому поводу говорит: «Главная проблема — это кадровый голод. Может, загруженность и небольшая, но на такую заработную плату не готовы многие квалифицированные специалисты» (Токушева, 2016). Судя по открытым вакансиям, на сегодняшний день размер должностного оклада главного специалиста УДР, в зависимости от выслуги лет, варьируется от 83282 до 112431 тысяч тенге (эквивалент 245–331 долларов США соответственно) (ГУ «Управление по делам религий Карагандинской области», 2016), в то время как средняя з/п в Казахстане составляет 132739 тг. (Среднемесячная зарплата в Казахстане в I квартале увеличилась на 11,9%, 2016).

2.2. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Работа в социальных сетях ведется в разных регионах с 2013–2014 гг. и охватывает основные ресурсы, которыми пользуются казахстанцы, — как зарубежные, так и отечественные: Facebook, Вконтакте, Instagram, Twitter, Мой мир (mail.ru), видеохостинги Youtube и Kaztube. У отдельных Управлений по делам религий имеются сообщества в таких соцсетях, как El.kz, блоги на платформе Yvision.kz, а также приложения для Android и iOS. На республиканском уровне — Комитетом по делам религий МКС РК — создано максимальное количество аккаунтов в разных соцсетях: помимо вышеперечисленных, Комитет представлен на Namba.kz и Google Plus.

Однако на практике работа в регионах очень неоднородна. Так, если в среднем специалисты УДР ведут аккаунты в трех социальных сетях (в некоторых областях у непосредственно Управления и у функционирующего при нем КГП «Центр исследования проблем религий»² есть автономные паблики, часто даже заметно отличающиеся по контенту), то в Акмолинской, Жамбылской, Западно-Казахстанской, Костанайской и Южно-Казахстанской (то есть в трети УДР Казахстана) областях такая работа не ведется совсем (см. Таблицу 2). На некоторых из официальных сайтов нет ссылок на паблики, а на отдельных предусмотрены панели с пиктограммами (судя по всему, заготовки), нажатие которых приводит на главную страницу соцсетей.

Область	ВК	FB	Twitter	Instagram	Youtube	Kaztube	Mail.ru
г. Астана	+	+			+		
г. Алматы	+	+			+		
Акмолинская							
Актюбинская	++	++		+			
Алматинская	+	+	+				
Атырауская	++						
Восточно-Казахстанская	+	++	+				
Жамбылская							
Западно-Казахстанская							+
Карагандинская	+	+	+		+	+	
Кызылординская		+			+		
Костанайская							
Мангистауская	+	++	+	+	+	+	
Павлодарская		+					
Северо-Казахстанская		+	+		+		+
Южно-Казахстанская							

Таблица 2. Наличие пабликов и страниц областных УДР РК в социальных сетях

Для оценки эффективности работы в социальных сетях были использованы следующие критерии:

- аудитория (подписчики или «друзья»);
- оригинальность, периодичность и регулярность постов;
- количество лайков и репостов;
- соотношение различных видов информации;
- количество посещений/просмотров видео;
- наличие и происхождение либо отсутствие заимствованных материалов.

По количеству подписчиков в ТОП-5 входят странички «Информационно-Аналитический Центр Атырау» (FB, 2112 подписчиков), ЦИПР ВКО (FB, 1321), Центр исследования межконфессиональных отношений Карагандинской области (FB, 879), «ГКП и ПХВ Центр изучения и анализа» УДР г. Алматы (FB, 823) и Центр Ансар, Актобе (VK, 745). Аудитория пабликов складывается чаще всего из населения охватываемого региона: так, 74% просмотров публикаций

2. Могут иметь другие названия — например, «Центр анализа и развития межконфессиональных отношений» в Акмолинской области и СКО

Вконтакте Карагандинского областного УДР – из Караганды, еще 4% - из Темиртау. Поскольку периодичность и качество публикаций не контролируются вышестоящими органами, многие аккаунты в соцсетях являются на данный момент «заброшенными».

Если «головные» аккаунты системы координирования религиозных вопросов посвящены в основном освещению международного сотрудничества, трансляции официальных сообщений, то региональные страницы и паблики нацелены (по крайней мере, как это декларируется) на конечный результат: повышение религиозной грамотности и интереса мусульман к традиционному для казахского народа ханафитскому мазхабу. Последнее, однако, достаточно спорно в контексте свободы вероисповедания, провозглашенной в Конституции РК. Об этом начальник УДР Мангистауской области Ерлан Есбергенов говорит следующее: «Наша цель – не распространение религии, а разъяснение, распространение информации, ограждение от экстремизма. Мы не берем на себя функции ДУМКа, должны заниматься повышением религиозной грамотности, не проповедовать, а показать религиозный плюрализм в рамках закона» (Есбергенов, 2015).

В то время как главными инструментами областных УДР остаются информационно-разъяснительные группы и адресная помощь обратившимся, часто именно социальные сети становятся связующим звеном между молодежью и Управлением. Так, начальник отдела мониторинга и информационного анализа УДР Мангистауской области Камшат Сарсенбаева рассказывает, что около 60% аудитории пабликов Мангистауского управления по делам религий, носящего достаточно яркое название «Стоп Секта Актау», – это люди религиозные, имеющие представление об исламе, иной раз не упускающие возможность оставить комментарии о ненадлежащем внешнем виде членов ИПГ и администратора группы. Однако в целом интерес скорее положительный: посетители задают вопросы на религиозную тематику (не в комментариях, а с использованием формы обратной связи для сообществ и личных сообщений – для страниц). Комментариев мало (практически нет) даже у самых популярных постов в пабликах с аудиторией более 1000 человек.

Интересы к отдельным вопросам у аудитории меняются от одной соцсети к другой. Так, специалисты УДР отмечают, что Вконтакте, аудитория которого считается более «молодой», чаще всего спрашивают о том, как правильно читать намаз или к каким авторам лучше обратиться за религиозными знаниями. Приходят в основном подростки или студенты. На Facebook, как замечали авторы пабликов, люди старшего поколения обращаются за помощью. Бывает, что на странички УДР приходят родственники или друзья попавших в религиозные секты или даже сами эти люди, которые нуждаются в религиозоведческой и/или психологической помощи. Главное, что привлекает в таком способе общения, – анонимность. В дальнейшем некоторые из тех, кто изначально узнал о работе своего областного Управления в соцсетях, уже офлайн, лично приходят в УДР, чтобы получить какую-либо помощь. Интересно построена работа на местах: для обеспечения анонимности обращений часть сотрудников УДР, например, в Мангистауской области, размещены не в здании областного акимата (с охраной, досмотром и проверкой документов на входе), а в соседнем здании ЗАГС, где обстановка более располагает к доверительной беседе.

Таким образом, именно возможность заинтересовать, вызвать доверие у молодых людей, потенциально склонных к радикализации, – это главное преимущество интернет-стратегии каждого областного УДР. Привлекательно оформленная информация, качественные фото- и видеоматериалы, уникальные данные и статьи, комментарии религиоведов, грамотно представленные данные составляют арсенал специалиста, занимающегося продвижением контрэкстремистской политики государства через паблики.

Однако используются эти инструменты совершенно по-разному. Так, контент большинства пабликов УДР в социальных сетях – это от 70 до 100 процентов репосты с официальных сайтов либо в виде ссылки, либо полностью скопированные статьи, фото или видеоматериалы.

Поскольку, как упоминалось выше, деятельность УДР в соцсетях четко не регламентируется вышестоящими органами, здесь существует простор для «творчества» на уровне областей. Этим и объясняются существенные различия в подходах к проведению такой работы. Среди всех постов, размещаемых в социальных сетях, можно выделить следующие типичные примеры (см. Таблицу 3):

Материал	Автор	Паблик
Выдержка из интервью теолога, редактора портала E-Islam Ж. Сандыбаева, разоблачающая ИГИЛ и выявляющая несоответствие используемых террористами формулировок священным для ислама текстам	e-islam.kz	УДР Актюбинской области
Стихотворение знаменитого казахского акына Бухар-Жырау о десяти правилах, которым должен следовать казахский народ (включая наставления, касающиеся религии)	УДР Актюбинской области	УДР Актюбинской области
Цитата авторства Мухаммада аль-Бухари, мусульманского ученого-мухаддиса и муфассира, в которой говорится о необходимости для настоящего мусульманина подчинения властям и невозможности открыто выступать против них в случае недовольства (в качестве иллюстрации к цитате прикреплено фото Президента РК Н. Назарбаева)	УДР Актюбинской области	УДР Актюбинской области
Пропагандистский видеоролик: вступительная часть, где видеоряд сопровождался фразами о том, что в последнее время все шире распространяется идеология экстремизма и терроризма; отрывок из интервью с карагандинским религиоведом, участником ИРГ Руستمом Сыздыковым (рассказывает о первоочередных обязанностях мусульманина); признания и раскаяние бывшего экстремиста, находящегося сейчас в местах лишения свободы.	УДР Карагандинской области	УДР Карагандинской области
Видеоролик о молодом человеке, который после ряда личных неудач решает присоединиться к группе, отправляющейся воевать на Ближний Восток	Генпрокуратура РК	УДР Карагандинской области
Видео, рассказывающее об опасностях «нетрадиционных религиозных течений»	ДУМК	УДР Карагандинской области
Видео с участием жены террориста, погибшего в ходе боевых действий за рубежом	Генпрокуратура РК	УДР Карагандинской области
Картинки с цитатами Президента РК о толерантности и необходимости укрепления межнационального и межконфессионального согласия	КДР	УДР Карагандинской области
Сообщения о том, как проводились христианские и мусульманские праздники, дополненные фото	УДР Карагандинской области	УДР Карагандинской области
Статья об ответственности за различные преступления, связанные с терроризмом и экстремизмом	МВД	УДР Восточно-Казахстанской области
Статья о встрече с коллективом предприятия	УДР Карагандинской области	УДР Карагандинской области
Материал, посвященный глобальному противодействию ИГ	e-islam.kz	УДР Мангистауской области
Руководство для родителей: как узнать, что ребенок находится в процессе радикализации, и что нужно делать в таком случае	islamsng.com	УДР Мангистауской области
Региональные новости	Региональные и республиканские СМИ	Например, УДР Атырауской области

Таблица 3. Некоторые примеры контента пабликов УДР в социальных сетях

Чаще всего паблики Управлений по делам религий наполняются вторичным контентом – автоматически настроенным или ручным перепостом новостей или статей с собственных сайтов. Этот вариант работы наименее трудозатратен, однако, судя по индексу популярности (переменная, включающая в себя количество лайков и репостов, уникальных посещений и просмотров видео), при этом и не слишком эффективен. Статьи в своем большинстве написаны сухим официальным языком, заголовки также соответствуют общему настроению. Новости о проведенных встречах чаще всего выглядят в соцсетях и на сайтах УДР следующим образом (см. Рисунок 1).

Разъяснительная встреча в КГКП Городская больница №1 г. Караганды

В рамках реализации Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в РК на 2013-2017гг. и плана работы КГУ «Центр изучения и анализа проблем межконфессиональных отношений Карагандинской области», 24 мая 2016г. в КГКП "Городская больница № 1 г. Караганды" проведено информационно-разъяснительное мероприятие на тему: «Профилактика религиозного экстремизма».

Рисунок 1. Образец статьи, распространяемой в соцсетях

Очевидно, что наиболее высокий отклик у пользователей соцсетей вызывают материалы, содержащие графику и аудио-, видеофайлы. При этом фото встреч имеет низкую популярность: это неинтересно молодежи. Куда больше людей, интересующихся этой тематикой, занимают видеоролики (при условии интересного сценария, качественной «картинки») и короткие цитаты, инфографика. Тем временем до 50% материалов пабликов занимают различные информационные статьи и заметки (см. Диаграмму 2), написанные достаточно сухим, официальным языком.

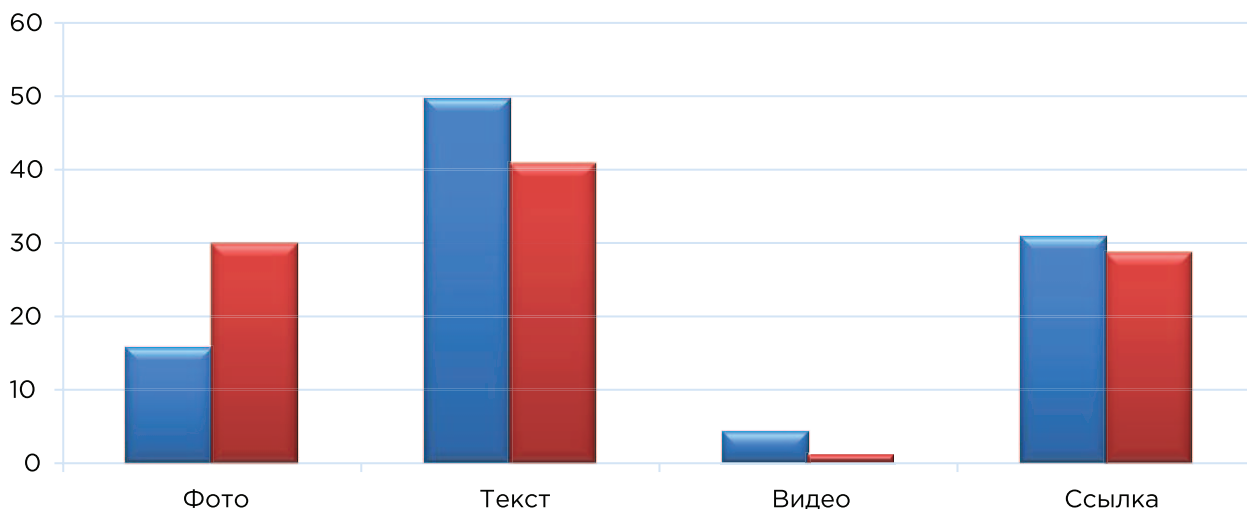

Диаграмма 2.

Внутреннее содержание пабликов Карагандинской и Мангистауской областей соответственно (Вконтакте и Facebook – идентичные материалы), % (январь 2014 г. – сентябрь 2016 г.)

При этом представляется, что возможности для развития у этих групп достаточно высоки. Бесспорно, потребность в знаниях о государственной политике в данной сфере, бытовых моментах, связанных с радикализацией и экстремизмом, способах обращения к компетентным специалистам существует в молодежной среде. На текущем уровне работы многие аспекты остаются нераскрытыми не из-за «секретности» информации, а ввиду недооценки важности проведения работы по их «популяризации».

Так, работа информационно-разъяснительных групп слабо освещается, хотя она могла бы иметь широкий потенциал распространения в сети: многие из членов ИРГ – достаточно известные в своих регионах люди, заслужившие доверие определенных групп населения. К примеру, в ходе фокус-групповой дискуссии в Актау выяснилось, что четверо из десяти участников доверяют в вопросах трактовки норм ислама и противодействия радикализации члену республиканской информационно-агитационной группы ДУМК Арману Куанышбаеву. К слову, в Актау республиканская ИРГ бывала не раз – однако анонсы встреч с населением на сайтах областных УДР, а тем более в социальных сетях, появляются крайне редко. Это дополнительный аргумент к утверждению о формальном характере проводимой работы.

Следующий подход в работе по заполнению страничек УДР тематическим контентом состоит в использовании сторонних материалов. Вторичный контент – это чаще всего репосты новостей, связанных с религиозной политикой или освещающих международные вопросы противодействия терроризму и экстремизму. Выбор специалистов, занятых этим вопросом, падает чаще всего на такие ресурсы, как e-islam.kz (информационно-просветительский Интернет-портал, созданный по указу Президента РК), azan.kz и прочие, а также на интервью и статьи известных государственных и религиозных деятелей на официальных сайтах, новостных порталах и других электронных СМИ.

Кроме того, администраторы пабликов активно используют контент, производимый ДУМК, которое является наиболее активным участником диалога с населением, интересующимся религиозными вопросами. Сегодня функционирует более 25 Интернет-ресурсов ДУМК и их аккаунты в популярных социальных сетях. Эти страницы имеют достаточно большое количество подписчиков, записи с них популярны и широко распространяются среди мусульманской уммы.

Мусульманские паблики продуцируют как контрнарративы радикализму: материалы о том, почему экстремизм несовместим с исламом ханафитского мазхаба (недопустимость убийств, расшифровка понятия «джихад» и недопустимость ведения войны без санкций официальных властей и т.д.). А также как альтернативные нарративы: большая часть публикаций — это красочные картинки с мотивирующими цитатами из Корана, Сунны или других сакральных текстов, релевантные новости или познавательные статьи об исламе и отдельных обычаях, запретах. Контент достаточно разнообразен, однако существует существенное ограничение: пабликами филиалов ДУМК заинтересуются люди, желающие получить знания об исламе и не имеющие предубеждений против этой организации.

Наконец, есть небольшое количество материалов, которые разрабатываются специально для размещения в социальных сетях. Это могут быть посты патриотического содержания, цитаты известных личностей или выдержки из священных текстов. Кроме того, публикуются отрывки из статей и интервью, которые могли бы заинтересовать целевую аудиторию: предостережения против увлечения радикальной идеологией, советы о том, как вести себя в случае террористической угрозы или что делать, если близкий человек принял экстремистские взгляды. У таких записей наиболее высокий ER (см. Диаграмму 3) — индекс вовлеченности аудитории (engagement rate — показатель, включающий лайки, репосты и комментарии по отношению к общему числу подписчиков).

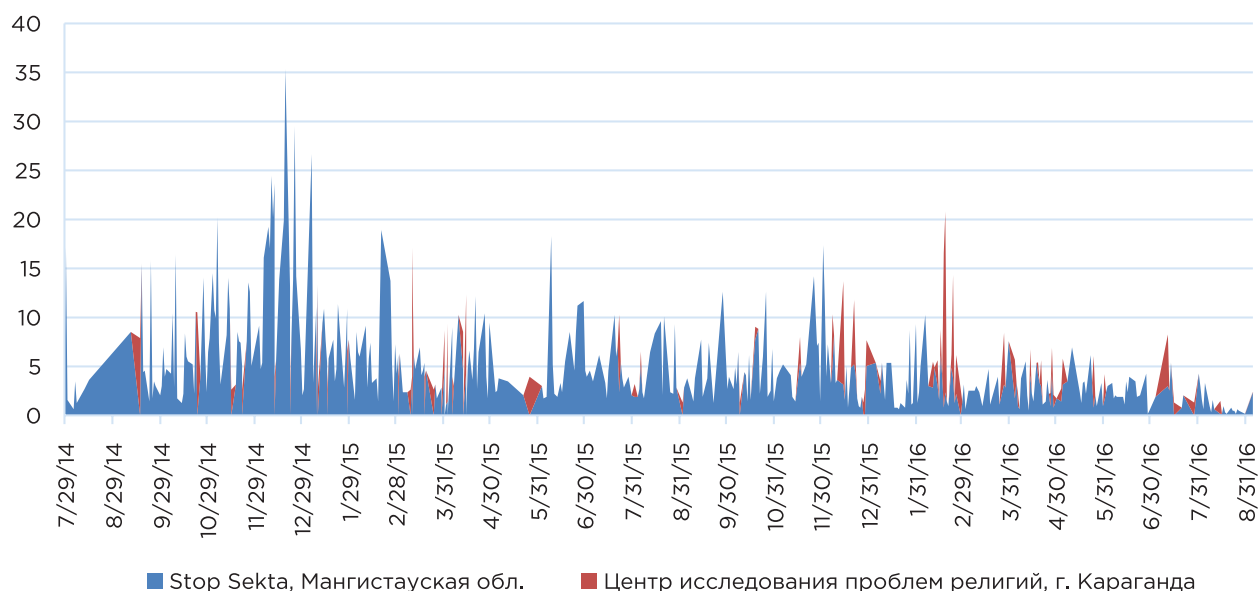

Диаграмма 3. Индекс вовлеченности аудитории пабликов УДР (Вконтакте)

В Казахстане, где государственные деятели признают необходимость консолидации усилий государства и общественного сектора с его опытом и знаниями (Гусарова, 2015), работа НПО чаще всего не публична и сводится к адресной помощи нуждающимся в реабилитации. Даже крупнейшие из них, например, ОФ «Информационно-консультативная группа «Перспектива», не прилагают дополнительных усилий к организации работы в Интернете. Не представлен в Интернете (не имеет своего сайта и даже страниц в социальных сетях) и Информационно-пропагандистский центр «Акниет», получающий крупные заказы по дерадикализационной деятельности от Комитета по делам религий, — психологи, религиоведы и юристы Центра работают как с осужденными, так и с радикальными жамагатами на свободе. Таким образом, нарративы, создаваемые и продвигаемые непосредственно НПО, остаются полностью офлайнными, хотя их подход также интересен и важен, имеет потенциал для продвижения в сети.

2.3. НАРРАТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ И ВОСПРИЯТИЕ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИЕЙ

В ходе проведенных фокус-групповых дискуссий была сделана попытка выявить, насколько декларируемые ценности устойчивы и способны получить поддержку у своей целевой аудитории, которой является молодежь. Участникам исследования были показаны материалы, которые размещаются в соцсетях в рамках политики противодействия радикализации. По итогам просмотра вышеуказанных материалов (хорошо принятых аудиторией) молодежь однозначно согласилась с тем, что радикальная идеология вредна и «неправильна».

В ответ на предложение назвать ассоциации, которые вызывает слово «терроризм», были перечислены такие варианты (в порядке популярности): насилие, жестокость, смерть, принуждение к чему-то, навязывание чужих взглядов, невинные люди погибают ни за что, кому-то это выгодно.

Однозначное одобрение у участников фокус-группы вызвали такие нарративы, как обращение к предыдущим поколениям с помощью использования этнокультурного наследия, дань уважения Президенту.

Религиозные ценности и преподнесение религии как способа защититься от радикальной идеологии казахскоязычная фокус-группа сочла адекватным ответом на имеющиеся вызовы. Однако было высказано опасение, что исламские нарративы могут искажаться теми, кто их транслирует – представителями конфессии, получившими образование за рубежом. В русскоязычной фокус-группе отношение к такого рода нарративам было более прохладным: высказывались мнения, что основой должно стать воспитание, семейные традиции – а религиозный аспект каждый должен выбирать в приемлемой для себя форме.

Патриотизм, толерантность назвали также одним из контрнарративов радикализации. Но при этом интерес к межкультурному взаимодействию, получению информации о разных конфессиях и казахстанцах, принадлежащих к ним, оказался достаточно низким. Помимо фигуры президента, у молодежи нет авторитетов среди представителей власти, уровень доверия к работникам акиматов и транслируемым ими смыслам можно охарактеризовать как низкий.

Вариант с разьяснением ответственности за террористические и экстремистские действия получил весьма сдержанное одобрение. Участники диалога уверены, что у тех, кто выбирает для себя такой путь, есть определенная мотивация, повлиять на которую «страшилками» достаточно непросто.

Хотя показанные материалы получили отклик у участников фокус-группы, они достаточно скептически восприняли утверждение, что такие информационные ролики, картинки и статьи могут заставить человека поменять свое мнение, в особенности если он находится в сложной жизненной ситуации. Поэтому главный вариант выхода из ситуации они видят в образовании, воспитании в семье и в поддержке близких.

В ходе просмотра видеороликов возмущение и серьезный отклик вызвали проблемы, знакомые многим не понаслышке: сложности, возникшие у парня при устройстве на работу из-за отсутствия стажа, и его отношения с девушкой, которая предпочла более состоятельного и успешного соперника. При этом все присутствующие выразили мнение, что «всегда есть другой путь», а вступление в радикальные организации не является решением имеющихся проблем. Так, через проблемный подход оказалось возможным вызвать более активную реакцию у молодежи: близкие им проблемы дали повод для бурной дискуссии, помогли восприятию существующих проблем.

Поднимался вопрос доверия к декларируемым ценностям. Несмотря на выяснившийся факт, что в Актау молодежь осведомлена о деятельности УДР (6 из 10 участников являются членами или слышали о группах «Стоп Секта Актау» в разных соцсетях (в основном Вконтакте и на Facebook), а также и о деятельности ИРГ), участники дискуссии (в основном мужчины) выразили мнение, что предпочтительнее было бы видеть в качестве проводника религиозных знаний кого-то, кому можно доверять.

Участники фокус-групп не выразили большой заинтересованности в работе государственных организаций в социальных сетях. Очевидно, среди причин такого противоречия — недоверие к власти и деперсонафикация сотрудников УДР: разве можно доверять незнакомому человеку по ту сторону экрана?

Отвечая на вопрос, кто на сегодняшний день способен продвигать позитивные нарративы, вести за собой, вызывая доверие и получив поддержку молодежи, два члена актауской казахскоязычной ФГ назвали депутата Мажилиса Парламента РК Бекболата Глеухана; по одному человеку назвали — теолога, члена республиканской ИРГ ДУМК Армана Куанышбаева и генерального директора Духовно-просветительского телевизионного канала «Асыл арна» Мухамеджана Тазабек; а представители русскоязычной ФГ — затруднились ответить. Часть группы выразила сомнение в том, что такие люди необходимы: ведь есть религиозные организации и их представители, официальная власть, которая должна защищать свое население от радикальной идеологии.

Интересно, что у представителей молодежи, изначально считающейся наиболее «открытой» группой в обществе, сильно патерналистское восприятие проблем. Испытуемые высказывали мнения о необходимости введения ограничений в интернете, цензуры, дальнейшего ужесточения законодательства. Предлагалось блокировать вредоносные ресурсы, наказывать распространителей террористических и экстремистских нарративов. Такой подход не предполагает активных действий, личного участия со стороны отдельных членов общества, коллективной ответственности — молодые люди предпочитают абстрагироваться от проблемы, переводя ее полностью в зону ответственности государства.

Для большинства участников соцсети — это непривычное место для разговоров о религии, а также на другие чувствительные темы, такие как идентичность, собственное будущее и будущее страны.

Молодежь высказывает полярные оценки роли властей по отношению к процессу радикализации: есть те, кто считает, что от государства ничего не зависит и помощь от него ждать не стоит, другие же указывают на наличие госпрограмм и корень проблем видят в пассивности самой молодежи. В качестве предпочтительного механизма несилового противодействия экстремизму опрошенные практически единогласно выбрали обучение, причем со школьного возраста. Однако школьники, принимавшие участие в обсуждениях, уверены: никто не заинтересован в передаче таких знаний — ни учителя, ни ученики.

Многие испытуемые отметили предвзятое отношение к людям, носящим религиозную одежду. Молодежь возмутилась факту, что борода воспринимается как символ терроризма. С другой стороны, многие в отношении верующих прибегают к аргументации по линии «мы — они».

Участники ФГ показали низкий уровень интереса к текстовым постам, даже к тем, в которых может содержаться потенциально интересная и важная информация. Наиболее предпочтительный формат — фото или видео, причем последнее не должно быть длинным. Развлекательный контент — единственное, чем можно привлечь внимание молодежи, с этим тезисом согласились все. Это показывает и рейтинг социальных сетей (в порядке популярности): Instagram, Вконтакте, Facebook, Mail.ru и Twitter.

Фокус-групповые исследования выявили серьезные различия в мировосприятии молодежи в Мангистауской и Карагандинской областях. Если первые в большинстве своем достаточно активно интересуются религией, много (хотя бы на бытовом уровне) знают о проблеме терроризма и экстремизма и даже предлагают варианты ее решения, то вторые, напротив, достаточно пассивны. Это, с одной стороны, объясняется меньшей актуализацией данных вопросов в русскоязычной среде, с другой – низким интересом к казахстанской повестке дня в целом. При этом их устремления направлены не за границу, но компактная среда проживания и относительная отдаленность от крупных населенных пунктов (Осакаровка – районный центр с населением 7-8 тысяч человек, равноудаленный от Караганды и Астаны) делают эти вопросы менее насущными, чем в Актау, где уровень самосознания – как гражданского, так и национального, религиозного – гораздо выше.

По итогам проведения фокус-групп, изучения контента и уровня вовлеченности аудитории пабликов госорганов вывод очевиден: в нынешнем формате последние нельзя считать действенным инструментом в ПОР. Ни формат подачи материалов, ни содержание не учитывают запросы и интересы молодежной аудитории. Молодежь, пассивно одобряя транслируемые властными структурами нарративы, не ассоциирует себя напрямую с этой проблемой и поэтому не проявляет интерес к получению дополнительной информации на эту тему, и тем более к личному вовлечению в деятельность ПОР. Именно здесь сформировался наиболее значимый «провал» политики, который необходимо исправить как можно скорее.

ГЛАВА 3. ВАРИАНТЫ ПОЛИТИКИ

ВАРИАНТ ПОЛИТИКИ 1: СОХРАНЕНИЕ СТАТУСА-КВО (ПОЛИТИКИ, СЛОЖИВШЕЙСЯ К 2017 Г.)

Хотя к 2017 году, как заявлено в программе, большая часть населения должна была быть охвачена предупредительной работой по противодействию терроризму, на сегодняшний день практика показывает, что фактически эта политика провалилась. Именно поэтому с начала 2017 года участились как сообщения о переосмыслении террористической угрозы, так и заявления об изменениях в подходах к ее нейтрализации.

Последствия сохранения ситуации в существующем на сегодняшний день формате очевидны: ресурсы, предназначенные для противодействия радикализации, и дальше будут расходоваться несообразно потребностям общества. Целевые индикаторы госпрограмм, направленные на экстенсивное «привитие иммунитета к радикальной идеологии», будут достигнуты. Однако это не гарантирует повышения доверия к власти, снижения социальной напряженности, сокращения маргинализации или увеличения числа последователей «правильного» варианта религии. Напротив, формалистский подход к такой работе может привести к дальнейшей стратификации общества. Сегодня борьба, по сути, идет против отдельных групп населения, не придерживающихся общепринятых религиозных норм. В результате из-за отсутствия идеологической платформы размывается и проблема противодействия радикализму, появляется множество трактовок. Данный вопрос политизируется и создаются дополнительные разломы, составляющие основу для будущих конфликтов: религиозное/светское, традиционное/нетрадиционное, этническое/общенациональное. И угроза активизации противостояния по линиям этих разломов вполне реальна — так практически создаются условия для роста новых для Казахстана типов экстремизма.

ВАРИАНТ ПОЛИТИКИ 2: УЖЕСТОЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ

На сегодняшний день мы видим развитие именно этого подхода: не только происходит ужесточение законодательства относительно преступлений, связанных с терроризмом и экстремизмом, но и вводятся меры, которые касаются каждого казахстанца. Наиболее чувствительными станут проблемы, возникшие после введения обязательной временной регистрации.

Меры по ужесточению политики относительно отдельных религиозных течений непродуктивны, поскольку выведение из правового поля групп, чье вероисповедание отличается от «традиционного», повлечет их дальнейшую маргинализацию. Это нарушение конституционных прав на свободу вероисповедания, свободу совести. Кроме того, велика вероятность спровоцировать конфликты на религиозной, этнической почве. Будет расти всеобщее взаимное недоверие, увеличиваться конфликтный потенциал.

Учитывая ситуацию, которая уже сегодня складывается в местах лишения свободы, когда осужденные за преступления, связанные с терроризмом или религиозным экстремизмом, воспринимают тюремный срок не как наказание, а как возможность приобретения новых сторонников; дальнейшее расширение списка таких статей в Уголовном кодексе РК, а также увеличение сроков — не решение проблемы.

Монополия ДУМК на «правильную» интерпретацию ислама может привести к десекуляризации государства, что в конечном счете дискредитирует как этот религиозный институт, так и институт государства — особенно в глазах молодежи.

При полномасштабной реализации этого варианта одновременно, скорее всего, произойдет сокращение использования «позитивных» мер – в первую очередь по причине ограниченности ресурсов. Отсутствие мягких инструментов неизбежно повлечет за собой раскол общества по религиозному признаку, критический уровень ксенофобии. Когда каждый гражданин живет в состоянии презумпции виновности, когда государство смотрит на него как на потенциального нарушителя, следующий уровень – возникновение атмосферы недоверия, страха, повышение конфликтного потенциала в обществе. А это, в свою очередь, приведет лишь к очередному витку радикализации – религиозного и, возможно, политического характера.

ВАРИАНТ ПОЛИТИКИ 3: «ПОЗИТИВНЫЙ СДВИГ»

Поскольку радикализация общества – проблема не тактическая, а стратегическая, по отношению к ней должны применяться соответствующие (по длительности и усилиям) меры. Негативные, силовые инструменты носят, в большинстве своем, ситуационный характер: запретить доступ к «деструктивной» информации в сети и офлайн, ужесточить политику в отношении последователей нетрадиционных течений, массированно увеличить количество осужденных за пропаганду терроризма и экстремизма на основании лайков и репостов – это краткосрочные меры, которые направлены на ликвидацию симптомов, а не причин радикализации.

Привитие «нулевой терпимости» к радикальной идеологии – задача сложная и требующая не только большей информированности об угрозах, но и большей степени взаимного доверия, открытости в обществе, развития внутри него иммунитета к такого рода вызовам. Развитие общества с устойчивыми идеалами, интеграция в него молодежи, которая на сегодняшний день считается маргинальной, последовательное вовлечение в диалог все большего круга участников – задачи многопланового характера, решить которые можно лишь за долгосрочный период времени, приложив политическую волю и значительные ресурсы. Однако и результат таких действий будет соответствующим.

Наращивание позитивных мер по противодействию радикализации позволит повысить уровень прозрачности политики, доверия к власти. Открытый диалог с молодежью, поощрение творчества, самостоятельности – шанс получить не только более неуязвимых к радикальной идеологии граждан, но и реальных союзников в борьбе с ней. В этом плане ощутимым преимуществом правительства в его нынешней конфигурации становится нахождение в одном министерстве и «гражданского», и «религиозного» компонентов, к тому же дополненных возможностью подключить к работе подразделения, занимающиеся вопросами молодежной политики.

Какой арсенал мер может предложить «позитивный» подход? В теории противодействия радикализации выделяют три типа нарративов, применяемых для нейтрализации экстремистской и террористической пропаганды (см. Таблицу 4).

	Для чего	Как	Кто
Альтернативные нарративы	Снижение значимости нарративов насильственного экстремизма, сосредоточившись на том, «за что» нужно бороться, а не «против чего»	Позитивные истории об общественных ценностях, толерантности, открытости, свободе и демократии	Гражданское общество или правительство
Контрнарративы	Напрямую демистифицировать, разрушить экстремистские нарративы	Дискредитация идеологии: через эмоции, теологию, юмор, разоблачение лицемерия, лжи и неправильного толкования	Гражданское общество
Стратегические коммуникации правительства	Разрушить экстремистские нарративы через рациональное объяснение государственной политики	Опровергать ложную информацию, развивать отношения с ключевыми субъектами и группами	Правительство

Таблица 4. Типы контрнарративов (Briggs & Feve, 2013)

Как видно из таблицы, инициативы по развитию таких изменений – не прерогатива государства. Однако именно со стороны властей должны быть созданы условия для комфортного диалога представителей уполномоченных органов, НПО и религиозных организаций, активистов и членов региональных сообществ. Как было выявлено в ходе исследования, у молодых людей достаточно высок интерес к данной проблеме, и они готовы предлагать свои варианты ее решения – нужно лишь дать возможность свободно высказывать и воплощать эти идеи.

Позитивные меры привлекательны тем, что они – не «одноразовые» и не односторонние. Развитие активизма, равноправный диалог со всеми заинтересованными сторонами, понимание интересов и ценностей молодежи как главного адресата политики – комплекс стратегических задач, которые не только помогут минимизировать риски радикализации, но и станут еще одним шагом к построению реального гражданского общества, дальнейшей демократизации и вовлеченности нового поколения во внутренние дела страны.

Очевидно, что последний вариант – наиболее «долгосрочный», но при этом он является и самым эффективным: если измерять успех политики не в количестве людей, присутствовавших на разовых мероприятиях, а по степени доверия к государству, уровню толерантности и умению критически мыслить, то необходимость выбрать именно его очевидна.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ работы госорганов в рамках противодействия терроризму и экстремизму в социальных сетях выявил ряд проблем в текущей политике. Среди них можно назвать и несистематичность проводимой работы, и сложный кадровый вопрос, и отсутствие комплексного видения необходимости продвижения УДР в социальных сетях — как в Комитете по делам религий, так и на местах.

Текущая политика показала свою неэффективность. Поскольку данные об использовании негативных мер достаточно закрыты, оценить можно лишь позитивные — а они не результативны: вырабатываемый контент не пользуется популярностью в широких общественных кругах в силу высокой формализованности. Декларируемые нарративы слишком расплывчаты, чем однозначно проигрывают «простой и понятной» радикальной идеологии.

На фоне ухудшения экономической ситуации происходит дезориентация общества: смешиваются понятия о терроризме, экстремизме, радикализме, альтернативных религиозных течениях. Из-за недостаточно оперативного информационного реагирования власти в чрезвычайных ситуациях, общей непрозрачности правоохранительной и судебной системы возникает недоверие к власти в целом, к тому, что ею транслируется.

Сейчас, когда практически все «позитивные» меры отданы в ведение областных УДР, эти подразделения «варятся в собственном соку» — зная свой региональный контекст, специалисты управлений часто не знакомы со своими коллегами из соседних регионов, что затрудняет обмен опытом и проведение «работы над ошибками». Производя оригинальный контент (съёмка видеороликов, подготовка текстовых материалов входит в обязанности каждого УДР), люди, работающие в областных центрах, не получают обратной связи, что приводит к ситуации, когда использование многих позитивных инструментов кажется им самим неважным и ненужным. При этом затраченные усилия (и ресурсы) порой не стоят результата: у многих материалов, даже вызвавших одобрение у участников фокус-групп, количество просмотров в сети минимальное. С другой стороны, качество части материалов вызывает серьезные вопросы из-за наличия клише, языка вражды и искажения фактов и данных.

То же касается и информационно-пропагандистской работы. Из-за формального подхода складывается ситуация, когда вовлекаются в нее те, кого «собрали» работники акимата, — то есть в большинстве своем члены организованных коллективов, которых в рабочее (учебное) время в принудительном порядке «приглашают» на встречи с ИПГ. За время проведения исследования не удалось найти паблики УДР в социальных сетях, где бы заблаговременно (и систематически) предупреждали о таких мероприятиях. При том что во многих регионах Казахстана есть люди, готовые по доброй воле прийти на подобные мероприятия (например, для получения разъяснений о тонкостях религии), такой подход представляется неконструктивным. К тому же формат лекции для молодежи достаточно непривлекателен; работа ИПГ требует значительных корректировок.

Работа в интернете остается неприоритетной по многим причинам, среди которых сами сотрудники Управлений по делам религии называют «необязательность» ее выполнения — отсутствие нормы по количеству постов (особенно содержащих фото и видеоматериалы) за определенный период. Также специалисты, в чьем ведении находятся сайты и паблики, отмечают необходимость улучшения квалификации в части владения графическими программами и углубления знаний о принципах работы в соцсетях и интернете в целом. Специалисты областных УДР имеют разный уровень и профиль образования, что приводит к неравномерной работе в регионах. Низкая оплата труда, отсутствие мотивации обуславливают формалистский подход к деятельности, особенно в интернете — паблики в социальных сетях в большинстве областей ведутся по остаточному принципу. Это, в свою очередь, объясняет небольшой охват аудитории и последующее недоверие к власти со стороны целевой аудитории.

Проблемой также становится «монополизация» контрпропаганды экстремизма и терроризма, когда главным и, по сути, единственным контрнарративом радикальному нарративу становится идеологема «традиционного ислама», «носителями» которой являются (или должны являться) представители титульной нации. За бортом остаются представители национальностей, традиционно не исповедующих ислам, а также люди, не ассоциирующие себя ни с одной религией. Очевидно, идеологическая компонента политики нуждается в значительной доработке.

Для РК радикализация — комплексная и чувствительная проблема, в том числе и в контексте строительства гражданской нации. Этим и объясняется стремление государства максимально монополизировать сферу противодействия этому явлению. В итоге основная деятельность НПО, духовенства, экспертов идет по линии госсоцзаказа, а взаимодействия между негосударственными акторами не происходит, они идеологически и по своим целям далеки друг от друга.

В то же время тенденция такова, что (особенно после событий в Актобе и Алматы летом 2016 г.) происходит ужесточение политики по противодействию радикализации. Запретительные меры проще применить, и многие официальные лица высказываются за дальнейший рост силового компонента. Позитивные меры, будучи более ресурсозатратными и, что особенно ощутимо, растянутыми во времени, остаются недооцененными.

В силу того, что вопросы терроризма и экстремизма являются важными в контексте национальной безопасности, власть предпочитает максимально ограничивать публичный доступ к этой сфере, порой злоупотребляя «правом на секретность». Это привело к повышению недоверия к власти в обществе, заранее предвзятому отношению к любому ее представителю. Обеспечение прозрачности — обязательный атрибут для использования позитивных мер, и во многом именно здесь кроется проблема их неэффективности на сегодняшний день.

В то же время среди массы информации, не получающей откликов, уже на сегодняшний день существуют и грамотно сформированные идеологические послы, и обратная связь с аудиторией, и специалисты, осознающие важность этой работы и готовые ее качественно выполнять, и, что самое главное, запрос со стороны общества. Работа онлайн должна привести эти ресурсы к общему знаменателю — и тогда формирование качественного продукта, привлечение аудитории, развитие диалога перестанут быть одними из насущных проблем государственной политики.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Для развития третьего варианта политики, который представляется наиболее адекватным при нынешнем статусе-кво, необходимы следующие шаги:

Кадры и профессиональная подготовка

- «Деанонимизация» сотрудников, работающих как онлайн, так и офлайн на данном направлении, особенно в регионах и небольших населенных пунктах. Это могло бы способствовать формированию их авторитета среди региональной молодежи, которая сейчас испытывает острый дефицит в наставниках, духовных лидерах.
- Повышение уровня грамотности специалистов, регулярное проведение тренингов по SMM, коммуникациям, правовой грамотности. Владение навыками работы в интернете позволит увеличить аудиторию пабликов в социальных сетях, привлечь внимание молодежи, а рост знаний в смежных областях даст возможность оперативно и компетентно отвечать на возникающие у этой аудитории вопросы.
- Учитывая специфику нового Министерства по делам религий и гражданского общества, уместно будет наладить тесное межведомственное сотрудничество на уровне регионов с Управлениями по молодежной политике, ведь вопросы занятости, образования и других проблем молодежи тесно взаимосвязаны с этой работой. Обмен опытом и знаниями, привлечение дополнительных специалистов к этой работе позитивно скажется на просветительской работе.
- «Горизонтальное» взаимодействие между сотрудниками акиматов, работающими в данной сфере в разных областях РК, также необходимо. Обмен опытом и контентом, разбор интересных кейсов и более глубокое знание не только регионального контекста, но и специфики проблем, существующих в других частях страны, расширит границы восприятия. Создание подобного «сообщества» приведет к осознанию значимости такой работы, поднятию самооценки госслужащих.
- Производство «традиционного» мультимедийного контента в рамках политики по противодействию терроризму и экстремизму было бы целесообразно передать на республиканский уровень: 18 разных от области к области баннеров, на которые тратятся такие ресурсы, как рабочее время сотрудника каждого УДР, услуги по дизайну печати не принесут должного эффекта. То же касается и других методов, которые занимают много времени, средств и сил без видимой результативности. Освобождающиеся ресурсы можно было бы использовать более эффективно для работы в сети, ведения чатов или налаживания коммуникаций с заинтересованными (или потенциально могущими заинтересоваться) группами.

Формирование сообщества для противодействия радикализации

- Взаимодействие с неправительственным сектором, отдельными активистами позволит создать сообщество, объединенное борьбой против радикализации. Такая сеть полезна для обмена мнениями, решения сложных кейсов, выработки общей позиции по сложным и чувствительным вопросам.
- Тематические специалисты (психологи, юристы, религиоведы) должны быть больше представлены в интернете и социальных сетях: здесь шансы «достучаться» до уязвимой, маргинализованной молодежи гораздо выше, чем офлайн. В этом могут помогать молодежные активисты, лидеры общественного мнения, даже кумиры из числа спортсменов, представителей шоу-бизнеса — это люди, которые известны в обществе и имеют определенный кредит доверия.
- Молодежное образование — один из важнейших элементов работы, которая проводится сейчас. Это очень важный компонент в противодействии радикализации. Однако более приемлемым будет включение в политику предотвращения терроризма и экстремизма не только областей знаний, связанных с изучением базовых религиозных постулатов. Важно развивать у молодых людей критическое мышление, поднимать уровень гражданского образования и сознательности.

- Гражданских активистов и неправительственный сектор стоит рассматривать как дополнительные ресурсы — они реально могут оказать поддержку и легитимизировать позитивные усилия государства в молодежной среде. При этом такая работа должна поощряться государством: нужны конкретные механизмы (возможно, вне госсоцзаказа), позволяющие диверсифицировать подходы к противодействию радикализации.
- В то же время работу с религиозными организациями лучше строить как можно деликатнее: здесь существует реальная угроза перегибов с их стороны, ведь удаление с «религиозного поля» «лишних» игроков дает им дополнительные преимущества, в том числе и финансовые, и этим тоже не стоит пренебрегать.

Контуры деятельности в Сети

- Работа в интернете, а также производство соответствующего контента должны быть структурированы: определена логика ведения страниц в социальных сетях, ответственные за это люди. Материалы желательно тестировать на представителях молодежи: многое из того, что есть в сети сейчас, содержит как дискриминационные клише, так и провокационную информацию.
- Дополнительным предложением могла бы быть разработка контента, отвечающего современным трендам, принятым в молодежной среде: комиксы, интересные инфографики, фото с цитатами известных людей и истории успеха, вирусные видео, мультфильмы или короткометражные сериалы — это востребованные форматы, которые наверняка найдут своего зрителя. Главное — повышение качества материала по принципу «меньше, но лучше».

Генерация смыслов и дальнейший вектор политики

- Использование в качестве альтернативного нарратива не только «традиционного ислама» (что продуктивно лишь для определенных групп), но и универсальных ценностей может опосредованно решить задачу по формированию гражданской нации. Такая политика сработает как противовес не только религиозной, но и политической, этнической радикализации.
- В более широком контексте необходимо дать молодежи возможность публично высказывать свою точку зрения, в случае необходимости — отстаивать свои права. Мирные протесты и демонстрации, выражение своей точки зрения через искусство дают тем, кто чувствует несправедливость, не только шанс высказаться, но и определенную степень удовлетворенности. Более мягкое отношение к мирным собраниям, а также расширение свободы слова (в том числе и в интернете) способствовало бы снижению общего уровня напряженности в обществе.

Большинство из рекомендаций осуществимо в рамках текущей политики: заявленное внедрение позитивных мер вполне отвечает духу предложений в рамках варианта «Позитивный сдвиг». В финансовом отношении такое изменение политики не представляется очень затратным: например, при оптимизации работы по производству контента произойдет перераспределение расходов. Эти средства можно использовать для мероприятий по повышению квалификации сотрудников, занятых в этой работе.

В долгосрочной перспективе ожидается, что проведение такой политики понизит уязвимость молодежи к радикальной идеологии, приведет к улучшению имиджа государства и в конечном счете минимизирует (насколько это возможно) террористические риски в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 416-І О противодействии терроризму (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.11.2015 г.). (б.д.).

Статьи 172 и 174 (п. 2) Уголовного кодекса РК от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по сост. на 09.04.2016 г. (б.д.).

Казанцев, А. (2016). Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: опыт Европы и перспективы России. (Т. 27). Спец-книга.

Кононенко, О. (22 мая 2015 г.). В Астане втрое увеличилось число последователей религиозного радикализма . Получено из казахстанской еженедельной газеты «Панорама»: <http://www.panoramakz.com/index.php/society/right/item/37889->

Кочетков, Д. (16 06 2016 г.). Ерлан Карин: Терракт в Актобе организовала «спящая ячейка» экстремистов. Получено из Алау: <http://alau.kz/erlan-karin-terrakt-v-aktobe-organizovala-spyashhaya-yachejka-ekstremistov/>

Токушева, М. (09 2016 г.). Телефонное интервью. (А. Решетняк, Интервьюер)

Черных, И. (2014). Интернет-коммуникации в Казахстане: степень мобилизационного потенциала (по результатам социологического исследования). Алматы: КИСИ при Президенте РК.

ГУ «Управление по делам религий Карагандинской области». (2016). Объявление о проведении общего конкурса на занятие вакантной административной государственной должности корпуса «Б», являющейся низовой. Получено из <http://udr-krz.kz/ru/page/vakansii/>

Генпрокуратура Казахстана отмечает активизацию террористов внутри страны. (31 января 2017 г.). Получено из МК в Казахстане: <https://twitter.com/dhmontgomery/status/839348243435827200>

Гусарова, А. (28.12.2015 г.). Пять ниш, где НПО могут реально помочь государству. Получено из Власть: <https://vlast.kz/obsshestvo/14990-pat-nis-gde-npo-mogut-realno-pomos-gosudarstvu.html>

Есбергенов, Е. (08.2015 г.). Личное интервью. (А. Решетняк, Интервьюер)

Вайс, М., & Хасан, Х. (2016). Исламское государство: армия террора. Москва: Альпина нон-фикшн.

Boffey, D. (18.10.2015 г.). David Cameron announces funding for anti-extremism strategy. Получено из The Guardian: <http://www.theguardian.com/politics/2015/oct/18/cameron-funding-anti-extremism-social-media>

Briggs, R., & Feve, S. (2013). Review of Programs to Counter Narratives of Violent Extremism, Institute for Strategic Dialogue. Получено из <http://www.strategicdialogue.org/CounterNarrativesFN2011.pdf>

Council of Foreign Relations. (09.2013 г.). A Global Venture to Counter Violent Extremism: Policy Innovation Memorandum No. 37. Получено из <http://www.cfr.org/radicalization-and-extremism/global-venture-counter-violent-extremism/p30494>

Karin, E. (16.06.2016 г.). Получено из Facebook:

<https://www.facebook.com/erlan.karin/posts/1112582598785432>

Neumann, P. (2012). *Countering Online Radicalization in America*.

London: Bipartisan policy center.

Organization for Security and Co-operation in Europe. (2014). *Preventing Terrorism and Countering Violent Extremism and Radicalization that Lead to Terrorism: A Community-Policing Approach*. Vienna.

Stevens, T., & Neumann, P. R. (2009). *Countering Online Radicalisation. A Strategy for Action*.

New York: International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence (ICSR).

U.S. Department of Justice. (2013). *Online Radicalization to Violent Extremism*. Получено из

<http://www.theiacp.org/portals/0/pdfs/RadicalizationtoViolentExtremismAwarenessBrief.pdf>

UK Home Office. (2011). *Prevent Strategy*. Получено из <http://www.homeoffice.gov.uk/publications/counter-terrorism/prevent/prevent-strategy/>

Varandani, S. (25.05.2015 г.). *ISIS Recruitment: 75% Of New Islamic State Group Supporters In Malaysia Are Recruited Online*. Online Malaysia. Получено из <http://www.ibtimes.com/isis-recruitment-75-new-islamic-state-group-supporters-malaysia-are-recruited-online-1936440>

Сандыбаев, А. (16 июня 2015 г.). Что означает тысяча завербованных

из Казахстана в ИГ? Получено из Радио Азаттык: <http://rus.azattyq.org/content/terrorism-igil-kazakhstan/27075180.html>

Об утверждении Плана мероприятий по реализации Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013-2017 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 октября 2013 года № 1141. (2013).

Сост. Ж.Ж. Карашулаков, Е. И. (2014). *Сборник материалов по основным вопросам религиозной сферы: В помощь государственным служащим*.

Астана: Агентство РК по делам религий.

Сост. Ж.Ж. Карашулаков, Е. И. (2014). *Сборник материалов по основным вопросам религиозной сферы: В помощь государственным служащим*.

Астана: Агентство РК по делам религий.

Составлен социальный портрет террориста в Казахстане. (9.04.2014 г.).

Получено из Tengrinews: <https://tengrinews.kz/crime/sostavlen-sotsialnyiy-portret-terrorista-v-kazahstane-253308/>

Среднемесячная зарплата в Казахстане в I квартале увеличилась на 11,9% . (29.04.2016 г.).

Получено из ИНТЕРФАКС-КАЗАХСТАН: http://www.express-k.kz/news/?ELEMENT_ID=72749

Маликова, Б. (12 02 2016 г.). Язык вражды оказался в тренде.

Получено из Вечерний Бишкек: http://members.vb.kg/2016/02/12/smi/1_print.html

Шибутов, М., & Абрамов, В. (2012). *Терроризм в Казахстане – 2011-2012 годы*. Алматы.